

УДК 115

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-6

Савинцев В. И.

**Концепция психологического времени Г.И. Челпанова
в контексте междисциплинарных исследований¹**

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, ул. А. Невского, д. 14,
г. Калининград, 236016, Россия; vyacheslav-savincev@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется концепция психологического времени отечественного философа и психолога Г.И. Челпанова. Новизна исследования выражена, с одной стороны, в попытке интерпретации базовых представлений Г.И. Челпанова о восприятии последовательности образов во времени, с другой – в анализе свойств психологического времени в рамках современного эпистемологического подхода, учитывающего познавательную роль не только сознания, но и тела, и среды обитания. В исследовании задействован традиционный методологический аппарат: герменевтический и компаративистский анализ, опыт философской реконструкции. Показано, что Г.И. Челпанов различает два типа темпоральности: исходную «психологическую» как приобретенную способность осмысливать длительность «образов» и вторичную «математическую» – искусственный логико-символический инструмент, необходимый для отвлечения и фиксации информационных потоков. Важная роль в концепции отводится «настоящему». Оно у Челпанова не «момент» и не «теперь», но сегмент времени, вмещающий минимум образов, которые за единицу времени может осознанно воспринять испытуемый. Весь характер восприятия времени оказывается обусловлен телесно-психической организацией человека. Челпанов представляет гипотетические описания, соотнося в мысленных экспериментах телесные реакции человека и иных живых существ, а также допуская ситуации увеличения или уменьшения периодов существования человеческого тела.

Ключевые слова: Г.И. Челпанов; время; пространство; сознание; образ; эмпирический параллелизм

Для цитирования: Савинцев В. И. Концепция психологического времени Г.И. Челпанова в контексте междисциплинарных исследований // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 41-48. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-6

V. I. Savintsev

**Chelpanov's concept of psychological time in the context
of interdisciplinary studies**

Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia;
vyacheslav-savincev@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the concept of psychological time of the philosopher and psychologist Georgy Chelpanov. The innovation of the study is presented, first-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект No19-011-00302А.

ly, in the interpretation of the Chelpanov's ideas about the perception of a sequence of images over time; secondly, in the analysis of the properties of psychological time in the context of the modern epistemological approach. In the research there were used the following methodological tools: hermeneutic and comparativistic analysis, the experience of philosophical reconstruction. The study revealed that Chelpanov distinguished two types of time: psychological and mathematical. The first type is realized as the ability to conceive the duration of "images". Mathematical time is an artificial logic-symbolic tool necessary for distracting and fixing information flows. The present, according to Chelpanov, is not a "moment" and not a certain "now," but a time atom containing a minimum of images. Finally, it was found out that the nature of time perception is determined by the bodily and mental organization of a person. Chelpanov presents hypothetical descriptions, correlating human bodily reactions with insects, as well as allowing situations of increasing or decreasing the lifetime of the human body.

Keywords: Georgy Chelpanov; Russian philosophy; time; space; consciousness; image; empirical parallelism

For citation: Savintsev V. I. (2020), "Chelpanov's concept of psychological time in the context of interdisciplinary research", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (4), 41-48, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-6

Временной промежуток конца XIX – начала XX вв. стал переходным периодом от классической философии к неклассической. Видоизменялись образы философского творчества: то, что раньше выступало в качестве идеала интеллектуального развития, начало претерпевать трансформации. Так, западноевропейские и русские философы, ранее искавшие методологической стабильности в сближении философии и логико-математического знания, обратились к экспериментальным и гуманитарным наукам. Характерный пример – творчество философа и психолога Г.И. Челпанова. Помимо фундаментальных работ в области теории восприятия, методологии психологии, логики и истории философии, русский мыслитель стал разработчиком оригинальной психологической концепции времени.

Среди тех, кто оказал влияние на его концепцию, прежде всего следует назвать философов-эмпириков XVII-XVIII вв., сводивших время к упорядоченному потоку идей души; во-вторых, И. Канта, повлиявшего на Челпанова идеей пространственно-временного априоризма;

в-третьих, спиритуалиста Ж.-М. Гюйо, полагавшего, что темпоральные способности человека формируются из врожденных пространственных представлений, и наконец В. Вундта – основоположника экспериментальной психологии, одного из разработчиков метода измерения чувственных и мыслительных реакций человека.

Истоки субъективного времени

Одна из первых проблем, которая стоит перед мыслителем, полагает Челпанов, это определение предметности времени. Каждый человек оперирует понятиями «настоящее», «прошлое» и «будущее», но если его спросить, что они значат как понятия, он, подобно Блаженному Августину, сообщит, что затрудняется с ответом.

В силу того, что время принадлежит «особой», не связанной с материальным миром, реальности, в философии полноценно сложился лишь «математический» способ его описания. В работах Аристотеля, Ньютона, Канта и других время – форма бытия объекта, в сознании или вне его. Уточним: этот способ осмысления времени приводит к схематизированному научному представлению объектов, но не внутренне-

го бытия субъекта, с вопрошания которого, собственно говоря, как считает Челпанов, и начинается время. Иного, психологического, способа описания в истории философии так и не сложилось в силу отсутствия единой научной методологии и должного понятийного аппарата. Попытки эмпиристов, сенсуалистов, иррационалистов были интересны, но выводы – противоречивы. Возможен ли надежный путь научно-психологического истолкования времени?

Г.И. Челпанов в работах «О природе времени» (1893 г.), «Мозг и душа» (1900 г.), «Введение в философию» (1905 г.) полагает, что возможен, но для этого необходимо подобрать соответствующую исследовательскую «оптику». Он пишет: «Итак, что же такое время? Руслу времени в нашей душе, и по этому руслу текут события, факты, совершающиеся в пространстве. И начало, и конец, и бесконечность времени – в нашей душе, ибо время есть ее творение» (Челпанов, 1893: 54). Итак, время, в интерпретации Г.И. Челпанова, – продукт человеческой душевной деятельности, отображающий количество событий.

Схожая мысль была, как отмечалось выше, у философов-эмпириков XVII-XVIII вв. Так, применительно к творчеству Локка, один из ведущих исследователей этого вопроса П.П. Гайденок пишет: «Рассматривая понятие времени с точки зрения его происхождения, Локк, создатель генетического метода в психологии, видит источник этого понятия в идее последовательности, которую мы получаем из чувственного опыта, но не столько из внешних чувств, с помощью которых мы воспринимаем движение и изменение окружающих вещей, сколько из чувства внутреннего (Локк называет его “рефлексией”), наблюдая последовательность идей и состояний, сменяющих друг друга в нашей душе» (Гайденок, 2006: 107).

Конечно, «последовательность» – это не «количество», однако, если образы следуют друг за другом, можно узнать и об

определенном количестве таковых, проследовавших за единицу времени. Применительно к пространственным объектам идея количества, так же, как и идея последовательности, работает стабильно. Но как быть с непространственными объектами, к которым философ относит образы сознания? Он уточняет термин «образ»: «Условимся, – пишет Челпанов, – называть образом все то, что остается в нашем сознании после какого-либо впечатления, волнения, – словом, после всего душевно пережитого. Теперь мы можем легко понять, какие средства имеются в нашем сознании для измерения продолжительности времени» (Челпанов, 1893: 38). Заметим, Челпанов четко понимает, что просто наблюдать образы сознания невозможно. Одна из проблем здесь в том, что в образном потоке их не отделить друг от друга. Стало быть, концепция эмпириков теоретически интересна, но практически невыполнима.

По Челпанову, анализировать можно лишь то, что оставило след в сознании: «...длину протекшего времени, – пишет он, – мы определяем количеством пережитых образов. Чем многочисленнее образы, чередовавшиеся между двумя конечными пунктами известного промежутка времени, тем этот промежуток будет казаться больше» (Челпанов, 1893: 39). Из этого правила можно вывести следствия: во-первых, анализируя наполнение образами субъективного времени, наблюдатель имеет дело преимущественно с прошлым (пережитым), во-вторых, субъективное время не может быть осмыслено без сопровождающей его математической основы: в определении важны не только образы, но и «конечные пункты», т. е. временные точки, которые задаются изначально. Г.И. Челпанов приводит массу примеров разнообразной продолжительности прошлого для субъекта познания: «Некоторые спасенные утопавшие, – пишет он, – рассказывают, что целая жизнь проходила перед их глазами в течение нескольких минут. Очевидно, через меру возбужденное состояние организма заставляет образы

следовать друг за другом с невероятной быстротой» (Челпанов, 1893: 39). В данном случае прошлое, за счет большого количества пережитых образов, представляется «большим» (содержательно объемным). Возможен и обратный случай: «Когда мы переживаем чувство скуки или ожидания, то время тянется необыкновенно долго. По мнению Вундта, чувство медленного течения времени зависит в этом случае от напряжения внимания на предстоящих впечатлениях <...> акт внимания всегда вызывает известное чувство напряжения, которое, как говорят физиологи, зависит от напряжения мускулов, принимающих участие в этом акте» (Челпанов, 1893: 41). Отметим еще раз, что Челпанов акцентирует внимание не на любых событиях, а на тех, образы которых оставили след в душе и представляются ретроспективно.

Помимо количественной характеристики, Челпанов вводит еще понятия *связи образов* и *единства* сознания. «Вообще у человека, – пишет он, – у которого нет связи между отдельными душевными состояниями, между отдельными образами, не может быть сознания времени. И очень вероятно, что животным идея времени недоступна» (Челпанов, 1893: 44). Связь образов – это не только их следование друг за другом: $A \rightarrow B \rightarrow C$, как прошлое, настоящее, будущее, но, в момент последующего представления, их «одновременное» наличие в сознании как единства, целостности. Мы должны не только пережить ситуацию, но и осознать ее впоследствии. Видимо, это рассуждение позволило Челпанову полагать, что животным недоступна идея времени, хотя, как мы покажем далее, к сопоставлению чувства времени у человека и иных живых объектов он будет неоднократно прибегать.

Здесь важно заметить, что обо всех ситуациях ретроспекции (о состоянии возбуждения, пережитых катастроф, утомительном ожидании, сновидениях и пр.) Челпанов указывает, что наблюдатель производит время в той последовательно-

сти, в которой он переживает событие. Именно так работает функция «связи». Современник Г.И. Челпанова, философ и богослов П.А. Флоренский, который воспроизводит в своих произведениях близкие психологические примеры, усматривает и другую последовательность образов, называя ее «телеологическим временем» (Длугач, 2018: 261), в ситуациях, когда результат сновидения имеет внешний источник (удар спинки кровати, как ножа гильотины, образовавший сновидческую историю предшествовавшей «революционной» борьбы). Мы не думаем, что Челпанов не допускал в своих размышлениях нестандартные формы работы сознания. Движимый желанием выработать научные методы экспериментального психологического анализа времени, он, на наш взгляд, подвергал анализу лишь те «образы», в отношении которых испытуемый мог дать себе отчет, а исследователь – измерить. Не случайно далее он рассуждает о природе «настоящего» – своеобразной основе психологического временного потока.

Экспериментальная психология, по мысли Челпанова, преодолевает аристотелевский подход к настоящему как к «моменту» между прошлым и будущим. Настоящее – это то, что переживается и осознается здесь и сейчас. Философ указывает на опыты со звуком и светом, единицы которых воспринимаются сознанием в «одно мгновение». Челпанов приводит данные лаборатории В. Вундта, согласно которым психологическое настоящее (количество образов, которые возможно одномоментно удержать в памяти) укладывается в пределы от 1/500 сек. – до 2-3 сек. (Челпанов, 1893: 46). Обращает на себя внимание, что Челпанов следует классическому платоновскому критерию объективности времени: события должны соотноситься с устойчивыми периодическими изменениями (движением планет, показаниями часов, точных физических приборов). Вместе с тем, он не сводит психологическое время к физическому: «Итак, – резюмирует он, – объективной мерой вре-

мени являются какие-либо периодические измерения, а субъективной остаются все-таки образы нашего сознания» (Челпанов, 1893: 47). Важным остается не то, как промелькнуло время, а то, какой событийный след оно оставило, ведь жизнь сознания определяется не динамикой пустых форм, но динамикой смыслов.

Стало быть, постулируя идею психологического времени, Челпанов определяет его как следование осознанных образов, которые на каждом из фиксированных отрезков соответствуют критериям «количества», «связности» и «единства» сознания.

На пути к «междисциплинарности»: сознание-тело-время

Однако новаторский элемент темпоральной концепции Челпанова, на наш взгляд, выражен в его попытке выхода за пределы классического философско-психологического подхода. Челпанов интерпретирует время на границе естественных и гуманитарных наук. Ранее такой подход внедряли философы-натуралисты. От представителей классической философии Челпанова отличает отсутствие желания абсолютизировать человеческое сознание, противопоставив его природе как исключительное явление. Сознание взаимодействует с телом, его деятельность обусловлена особенностями организации тела – вместилища сознания. Если бы Челпанов жил и работал в конце XX – начале XXI в., его гносеологические устремления, на наш взгляд, были бы близки представителям эволюционной эпистемологии (в некоторой степени – энактивизму как отдельному направлению), для которых «организм (тело-разум) и окружающий мир есть единая система. Организм находится в циклическом взаимодействии, структурном сопряжении со средой, а внешняя среда становится частью собственной организации организма, его собственным созданием, создающим его самого» (Князева, 2018: 341). Конечно, высказывания Челпанова по этому поводу не имеют системного характера, не являются учением

(вспомним его сомнения в том, что у животных есть осознанное чувство времени). Это, скорее, пронизательные мысли, интуиции на тему соотношения тела-сознания человека с таковым у некоторых животных и насекомых. Прорывная составляющая здесь в том, что Челпанов в начале XX века в своих размышлениях находится на пороге необходимости переосмысления составляющих познавательного опыта с целью понять: *не с чем должно, а с чем на самом деле имеет дело сознание.*

Так, указывая максимальные и минимальные параметры удержания образов в психологическом настоящем, философ и психолог задумывается над тем, какими факторами обусловлена нижняя граница восприятия образов, и приходит к мысли, что время связано с особенностями работы человеческого организма. Мысль не нова: многие физиологи XIX века также искали факты проявления сознания в живой материи. Однако Челпанов, выступавший, как известно, против вульгарно-материалистических установок в философии и психологии, принципиально по-другому трактует эту связь, основываясь на подходе «эмпирического параллелизма». Согласно этому подходу физические и психические процессы в организме реализуются одновременно. Челпанов пишет: «Итак, мы видим, что оценка времени находится в зависимости от каких-то функций нашего организма, от быстроты смены образов и от количества их. Отсюда недалеко до предположения, что чувство времени находится в зависимости от физической организации вообще, потому что эта последняя может обуславливать тот или другой характер образов» (Челпанов, 1893: 49). Заметим, что «параллелизм» здесь не сильно выражен, поскольку это ранний вариант концепции, который был опубликован в «Вопросах философии и психологии» (1893 г.). Здесь Челпанов еще следует своему учителю Н.Я. Гроту, представителю философского энергетизма: чувство времени – преобразованная из физической энергии организма психическая реакция. В

книге «Мозг и душа» (1900 г.), где этот материал дан в виде лекции, никакого «энергетизма» мы уже не встретим. Однако идея взаимосвязи особенности восприятия времени и физической организации присутствует и здесь. «Подобно тому, как мы говорили, что если бы явилось существо с организацией, отличной от нашей, то оно восприняло иные цвета и звуки, чем мы, точно таким же образом мы можем сказать, что если бы мы были устроены иначе, то мы восприняли бы и мир совсем иначе, чем мы воспринимаем в настоящее время, а это так же доказывает, что время не имеет объективного существования, а обладает субъективным характером» (Челпанов, 1912: 195).

Время, по мысли Челпанова, связано с ритмом. Причем таким, который соответствует как телесному статусу человека, так и, что интересно, особенностям его эстетического восприятия. Челпанов выделяет «ритм движения» (длина спокойного шага), соответствующий ему музыкальный ритм, дающий «хорошее *andante*», «ритм дыхания», а также – «скорость пульса». Если бы эти параметры были иными, человек иначе бы воспринимал события, и пространственно-временные характеристики стали бы иными. Челпанов проводит гипотетическое утверждение: «Предположим, говорит знаменитый натуралист Карл-Эрнст фон Бэр, что жизнь человеческая, обнимающая детство, зрелый возраст и старчество, сведена на один месяц и пульс человека стал биться в 1000 раз скорее, чем в действительности, тогда его мысль действовала в тысячу раз скорее, чем теперь, тогда он был бы в состоянии воспринимать такие движения, которые теперь не в состоянии воспринимать вследствие их чрезмерной скорости; будучи в состоянии воспринимать в тысячу раз меньшие промежутки пространства и времени, чем теперь, он мог бы, например, взором проследить летящую пулю» (Челпанов, 1893: 51). Далее Челпанов говорит о сведении жизни к сорока минутам, а затем – к тысячелетию. В этих случаях одни процессы людь-

ми в принципе перестанут замечаться, а другие (при тысячелетней жизни), например, процессы горообразования, наоборот станут вполне обозримы и составят его жизненный фон.

В этих сопоставлениях, которые впоследствии будут продолжены и переосмыслены учеными и писателями-фантастами второй половины XX века, Челпанов реализует несколько инновационных для своего времени идей: во-первых, время и пространство – не априорные формы чувственности, но способности, приобретенные вследствие формирования исключительно человеческой телесно-душевно-духовной организации; во-вторых, пространственно-временная картина мира человека не абсолютна, но, в зависимости от внешних и внутренних условий его существования, может изменяться; в-третьих, в отличие от «математических» концепций времени, представляющих собой темпоральные схемы, под которые подгоняются «бытийные» процессы, «психологическое» время связывает сознание с действительностью, побуждая сознание переживать мгновения жизни: вспомним опыт длящегося настоящего у Челпанова, способный сформировать как длинные, так и краткие впечатления.

Может возникнуть вопрос о точности отображаемой человеком картины мира. У Челпанова нет ответа на этот вопрос: его, скорее, интересовали механизмы темпоральных реакций души. Однако, используя современную терминологию и новые подходы к осмыслению работы сознания, можно отметить, что в его концепции вполне уживется идея «мезокосма» (Князева, 2014: 141), характеризующая «когнитивную нишу» человека в мире живых существ. Согласно этой идее, человек отображает в сознательно-телесной действительности лишь свойственную ему «адекватную схему реальности», в которой человеческое восприятие времени, соотносимое с продолжительностью жизни и скоростью физиологических реакций, отличается от таковых у насекомых и живот-

ных. Этим, кстати, подтверждается и отказ философа от важного для классической метафизики понятия «вечность», посредством которого характеризуется не только сверхфизическая форма бытия (когда одновременно даны в застывшей форме все его моменты), но и человеческие претензии его понимания: «...основной признак времени, – пишет Челпанов, – есть последовательность моментов; отрицание последовательности есть отрицание самого времени. Стало быть, вечного времени нет; философы говорят о вечном, безвременном бытии вещей, но это уже нечто совсем иное...» (Челпанов, 1893: 53).

Таким образом, в мировоззрении Г.И. Челпанова представлен оригинальный взгляд на природу психологического времени. Во-первых, единицей психологического временного потока является образ – зафиксированное памятью впечатление; во-вторых, по количеству образов психологическое прошлое и будущее могут быть разного содержательного объема; в-третьих, Челпанов, выходя за пределы аристотелевской (математической) традиции, отмечает некоторую продолжительность переживаемого настоящего, которая может быть подтверждена в лабораторных условиях, и, наконец, в-четвертых, субъективная способность к пространственно-временному восприятию обусловлена физиологической работой человеческого организма. При иных условиях существования тела пространственно-временная картина мира выглядела бы принципиально иначе.

Литература

Гайдено, П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

Длугач, Т.Б. Флоренский и Кант: человек в пространстве и времени // Историко-философский ежегодник. 2018. Т. 33. С. 242-266.

Князева, Е.Н. Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в эпистемологии // Эпистемология сегодня. Идеи, про-

блемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 339-350.

Князева, Е.Н. Эволюционная эпистемология перед лицом междисциплинарных вызовов современной науки // Философия науки. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. 2014. Вып. 19. С. 125-144.

Челпанов, Г.И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. М., 1912. 319 с.

Челпанов, Г.И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. М., 1893, № 19 (4). С. 36-54.

References

Chelpanov, G. I. (1893), “About the nature of time”, *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology], 19 (4), 36-54 (in Russ.).

Chelpanov, G. I. (1912), *Mozg i dusha* [The brain and the soul], Moscow, Russia (in Russ.).

Dlugach, T. B. (2018), “Florensky and Kant: man in space and time”, *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [History of Philosophy Yearbook], 33, 242-266 (in Russ.).

Gaydenko, P. P. (2006), *Vremya. Dlitelnost. Vechnost. Problema vremeni v evropeyskoy filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Knyazeva, E. N. (2014), “Evolutionary epistemology in the face of interdisciplinary challenges of modern science”, *Philosophy of science. Epistemology in interdisciplinary research*, 19, 125-144 (in Russ.).

Knyazeva, E. N. (2018), “The knowing body and the moving mind: a conceptual turn in epistemology”, *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions: monograph], in Kasavin, I. T., Voronina, N. N. (ed.), NGU of N. I. Lobachevskiy, N. Novgorod, Russia, 339-350 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Савинцев Вячеслав Игоревич, кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, 236016, Россия; vyacheslav-savincev@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vyacheslav I. Savintsev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Institute for Human Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; vyacheslav-savincev@yandex.ru